

Подчеркнем сразу — рассказывает разносторонне и объективно. Например, о том, что жестокости творили обе враждующие стороны. Достоверный свидетель (с польской стороны!) рассказал, что убить красноармейца (“большевика”) вообще греха не составляло. Порой же с ними расправлялись так, как и чеченские бандиты не делали: пленному “в распоротый живот зашили живого кота и побились об заклад, кто первый помрет: человек или кот”. А красные войска безо всяких там особых ухищрений пристреливали пленных польских офицеров и полицейских, просто как “врагов трудового народа”.

Хорошо показаны в книге события советско-польской войны 1920 года. Уж столько написано за восемьдесят лет о конфликте между Западным фронтом (Тухачевский и стоявший за ним Троцкий) и Юго-Западным (Сталин — Ворошилов — Буденный)! Сколько злобы вылили “борцы с культом” на Сталина и его соратников, якобы помешавших Тухачевскому взять Варшаву. Автор, обзрев все накопившиеся источники, подтверждает, что за жестокое поражение под Варшавой ответственность несут прежде всего Троцкий и его любимец Тухачевский.

11 июля, после успехов Красной Армии появилась знаменитая нота тогдашнего британского премьера лорда Керзона. Напуганный возможным крахом панской Польши, ведущий западный политик предложил закончить военные действия, установив относительно справедливую границу с Советской Россией — именно та, которая возникла в 1939 году, была подтверждена Международным договором в Хельсинки в 1975 году и сохранилась до развала СССР. Такое долголетие в подобных вопросах случайным быть не может.

На Пленуме ЦК, решавшем этот вопрос, нагоняли истерику Троцкий и Смилга — начальник Политуправления Красной армии, настаивая на решительном наступлении. Сталин же еще до Пленума публично заявил: “Было бы большой ошибкой думать, что с поляками на нашем фронте уже покончено”, и нечего кричать о “марше на Варшаву”. Сказано с присущей Сталину осторожностью и взвешенностью в оценках, но суть бесспорна. Однако Троцкий, Смилга и их сторонники настояли перед Лениным на своем. Чем эта авантюра кончилась, известно. А затем начались страшные расправы над советскими военнопленными, которые осуществлялись польской шляхтой со средневековой жестокостью и размахом. Красные тогда тоже врагов не щадили, но никаких расправ с пленными польскими жолнерами не производили: все документы давно открыты.

Начались мирные переговоры. От измученной и истерзанной Советской России паны, одетые в дипломатические фраки, требовали новых и новых уступок, порой унижительного свойства. Придется признать, что “красные дипломаты”, сменившие свои кожанки на фраки, состояли в основном из троцкистов и особенно-то отстаивать интересы исторической России не старались. Им нужна была лишь “мирная передышка” для укрепления своей власти. Наконец после долгой торговли в Риге был подписан 18 марта 1921 года мирный договор, который, подобно договору Брестскому, следовало бы назвать “похабным”. К Польше отошли обширные российские земли, населенные в подавляющем большинстве украинцами, белорусами и русскими православного вероисповедания, а также многие экономические и культурные ценности (например, паровозы и вагоны из разоренного нашего транспорта, а также часть архивов и музейных собраний).

В двадцатые и начале тридцатых годов Советская Россия еле-еле оправлялась от страшных потрясений. И правительства вновь возникших на ее окраинах государств, опираясь на поддержку ведущих стран Запада, щипали кое-какие кусочки посылнее. Финны и прибалтийские “царства”, отродясь не имевшие государственности, заносчивые варшавские шляхтичи... Даже хилая Румыния ухватила себе исконно российскую Бессарабию.

Все это рухнуло со страшной силой, не протянувшись и двадцати лет. Надо бы помнить об этом тем, кто ныне в тех же эфемерных прибалтийских “царствах” унижает русских людей, кто опять пытается хапнуть Приднестровье,

ЯСНОВЕЛЬМОЖНЫЕ ПАНЫ НАШЕЙ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Девять из каждых десяти издающихся в постсоветское время книг — это книги непрочитанные. Мизерные тиражи, высокие цены ограничивают число их читателей несколькими сотнями, в лучшем случае — тысячами.

К ним относится и труд М.И. Мельтюхова “Советско-польские войны. 1918–1939 гг.” (“Вече”, М., 1991). Сюжет его принадлежал долгие годы к числу запретных. Польская народная республика почиталась другом великого Советского Союза, а друзьям помнить обиды негоже. Но они были — как с одной, так и с другой стороны. О том, какие сложились отношения между Польшей и Советской Россией в послереволюционные годы, рассказывает историк М.И. Мельтюхов.

кто в Болгарии, которую мы дважды освободили от захватчиков, рушил памятники освободителям.

Среди стран-“лимитрофов”, образовавшихся на обломках Государства Российского, наиболее злбные русофобы оказались в Варшаве. Почти двадцать лет, с 1921-го по 1939-й год, они вели прямо-таки провокационную политику по отношению к своему восточному соседу. Бесчисленное число примеров тому в книге М.И. Мельтюхова. И это при том, что сама-то Польша той поры была государством очень слабым — и хозяйственно, и политически. Впору бы варшавским правителям заняться собственными болячками, но нет, основные усилия они направляли против Советской России.

Нигде недалновидность и авантюризм ясновельможных панов не проявились так наглядно и так самоубийственно, как во внешней политике. Напомним, что уже в середине 30-х годов в центре Европы сложился союз двух агрессивных государств — Германии и Италии. Немецкие нацисты и военщина не скрывали своего презрения к Польше и польскому народу, подогревая общественность шумом об ущемлении прав немецкого меньшинства в стране (что имело место). На фоне того, что Гитлер собирался расчлнить Чехословакию и захватить Чехию, казалось бы, курс польской внешней политики был ясен, но...

В отличие от заносчивых шляхтичей в варшавском Бельведере, Сталин реально предвидел шаги Гитлера. Советское правительство неоднократно настойчиво предлагало гарантии Праге и публично заявляло, что станет за нее войной, если Польша пропус-

тит советские войска через свои южные земли (вообще-то говоря, украинские). Тщетно, даже вмешательство встревоженной Франции не помогло. В разгар чехословацкого кризиса в тех самых районах южной Польши были нарочито проведены маневры польской армии: мол, никаких чужих войск мы тут не пропустим! Так все и поняли. В том числе и Адольф Гитлер.

Лишь осатаневшие от русофобии варшавские шляхтичи не чуяли беды с запада, хотя уже создавались будущие танковые “клинья”, вскоре растерзавшие Польшу. Невероятно, но в начале рокового для судьбы поляков 1939 года в Варшаве всерьез обсуждалась возможность создания германо-польско-венгерского союза направленного, естественно, против СССР. Состав стран предполагаемого союза не должен удивлять: через пару месяцев они раздерут на три части несчастную Чехословакию. Польские паны тоже урвут себе кусочек. За полгода до гибели собственного государства.

В русофобской истерии варшавские правители искали союза даже с японскими милитаристами. 3 января 1939 года Польша установила консульские контакты с так называемым Маньчжоу-Го — марионеточным государством, созданным японской военщиной на дальневосточных границах Советского Союза. Приходится удивляться, что в Польше, зная все это, до сих пор находятся люди, осуждающие советско-германский пакт о ненападении, заключенный в Москве в августе 1938-го. Или, может быть, Сталину следовало бы войти в союз Германии — Польши — Венгрии?..

В августе 1939-го, уже за пару недель до начала второй мировой, французские руководители, тоже слабые и антирусские, попытались все же, чувствуя надвигающуюся грозу из-за Рейна, воздействовать на польское руководство по сближению с Советским Союзом. Но посол Польши в Париже Лукасевич заявил, как истый шляхтич, “не немцы к нам, а поляки ворвутся вглубь Германии в первые же дни войны”. Ворвались...

Неизбежное произошло, безумные польские правители обрекли свой народ на гитлеровское рабство. И вот тогда, когда польская армия была уже разгромлена, советские войска еще не перешли на земли белорусов и украинцев, а ясновельможные паны уже готовились бежать из Варшавы в Румынию, Сталин 7 сентября 1939 года собрал в Кремле руководителей Коминтерна. Он дал такую оценку начавшейся войны:

“Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедными и богатыми в отношении колоний, сырья и т.д.) за передел мира, за господство над миром. Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам того не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разобрались”.

Суровые слова сурового, но дальновидного политика. Но только такими людьми и творятся великие политические свершения. Через шесть лет германские и японские агрессоры были повержены, недавняя “владычица морей” стала державой второго плана. А государство Советов развернуло свое влияние от Берлина до Пекина, отстаивая во всем мире интересы трудящихся.

И последнее. Автор книги не размазывает сюжет о так называемом “катынском деле”, он лишь кратко повторил общие данные о расстреле 15 тысяч польских офицеров и полицейских. Сколько написано о том сложном, оброщем версиями деле! Но почему молчат о беспорном? Во время советско-польской войны 1919–1920 гг. шляхта замучила и убила 60 тысяч пленных красноармейцев. Этот факт никем не оспаривается, но кто о нем знает?

Сергей СЕМАНОВ